

ском населения и пр.¹¹, выполненные в Институте этнографии АН СССР и национальных республиках, основаны на полевых материалах, собранных в течение ряда лет.

Наиболее удобной формой полевой работы для многоплановых длительных наблюдений является устройство сравнительно долго действующих стационаров, в которых постоянно или с перерывами находятся коллективы научных сотрудников. Из основных пунктов стационаров при этом совершаются выходы в окружающие ближние и более отдаленные селения и города, с которыми различным образом связано изучаемое население. Такая организация работ обычно обеспечивает детальное и углубленное знакомство с культурой и бытом местного населения, которое обычно быстро привыкает к исследователям и идет им навстречу в их разысканиях. В то же время знакомство с округой расширяет горизонт исследования и способствует правильной оценке собираемого материала.

Хорошие результаты дает сочетание стационарной работы с маршрутной, охватывающей целые районы, в которых исследования ведутся по отдельным вопросам в течение более коротких сроков, но во многих местах.

Среди этнографов давно установилась практика при изучении какой-либо темы многократно выезжать в поле в разные сезоны. Она была вызвана ярко выраженной сезонностью образа жизни крестьянства, которое долгое время считалось единственным носителем этнических традиций и потому чуть ли ни единственным объектом этнографического изучения. В науке утвердилось иное мнение: изучать стали не только сельское, но и городское население, да и в жизни сельского населения многое изменилось. Однако и теперь при изучении современности этот подход к полевой работе не утратил своего значения. Влияние сезонности на образ жизни не только крестьян, но и горожан необходимо учитывать при исследовании и хозяйственно-материального быта (занятий, одежды, пищи и даже жилища), и духовной культуры (общественного быта, досуга, праздников). Оно сказывается в преемственности некоторых старых традиций, развитии их в новых условиях и появлении новых форм быта (например, современных обрядов и праздников).

¹¹ См.: Верхний Олонец — поселок лесорубов. Опыт этнографического описания. М.—Л.: Наука, 1964; Крупянская В. Ю., Будина О. Р., Полищук Н. С., Юхнева Н. В. Культура и быт горняков и металлургов Нижнего Тагила (1917—1970). М.: Наука, 1974; Анохина Л. А., Шмелева М. Н. Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем. М.: Наука, 1978.

С. И. Вайнштейн

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПОЛЕВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ТРАДИЦИОННО-БЫТОВЫХ КУЛЬТУР НАРОДОВ СССР

Научные материалы, полученные в ходе полевой работы, являются, как известно, одним из важнейших источников этнографии. В современных условиях они по-прежнему сохраняют первостепенное значение для разработки многих кардинальных проблем этнографической науки. Укажем хотя бы на получивший высокое признание советской общественности труд «Современные этнические процессы в СССР»¹, основной источниковедческой базой которого послужили этнографические факты, накопленные в результате многолетних полевых исследований большого отряда советских ученых в различных районах нашей страны. В значи-

¹ Современные этнические процессы в СССР. 2-е изд. М.: Наука, 1977.

тельной мере на полевых материалах, собранных экспедициями главным образом Института этнографии АН СССР, основаны и такие фундаментальные труды, как монографическая серия «Народы мира» под общей редакцией С. П. Толстова; ряд региональных историко-этнографических атласов; крупные монографические исследования по этнографии народов нашей страны².

Не будет преувеличением сказать, что этнографические полевые работы в СССР ведутся ныне намного шире и глубже, чем когда-либо ранее. Да и вряд ли есть сейчас страна, которая по их размаху могла бы сравниться с Советским Союзом.

Успешные исследования, осуществляемые многочисленными экспедициями, ведут Институт этнографии АН СССР, коллективы этнографов и фольклористов ряда филиалов АН СССР, республиканских академий наук, Московского, Ленинградского, Томского и некоторых других университетов, гуманитарных научно-исследовательских институтов в автономных республиках и областях, Государственного музея этнографии народов СССР в Ленинграде, этнографических музеев Киева, Львова, Тарту и других городов, а также сотрудники многих краеведческих и народных музеев нашей страны.

Проблематика экспедиционных исследований чрезвычайно широка и разнообразна. В Институте этнографии АН СССР она включает все основные аспекты жизни этносов — от их этногенеза до современных этносоциальных процессов. При этом пристальное внимание уделяется как большему, так и малому (насчитывающим иногда всего несколько тысяч, а то и сотен человек) народам, как сельскому, так и городскому населению.

Полевые исследования советскими этнографами осуществляются практически во всех регионах нашей страны (от Закарпатья до Чукотки, от Таджикистана до Таймыра), а также за рубежом. В последние годы научные сотрудники Института этнографии работали во Вьетнаме, Индии, на Кубе, в Монголии, Океании и Японии. На финансирование экспедиций Института этнографии АН СССР в прошедшее десятилетие израсходовано свыше миллиона рублей. Успехи, достигнутые советскими этнографами в проведении полевых исследований, введении их результатов в научный оборот, в теоретической разработке последних, несомненны. И тем не менее дальнейшее совершенствование и повышение эффективности полевых исследований — одна из наиболее актуальных задач этнографических научных учреждений на современном этапе.

В этой связи позволю себе остановиться на некоторых вопросах полевого изучения традиционных культур народов СССР. Такого рода исследовательским работам придается первостепенное значение во всех этнографических учреждениях страны. Как справедливо отмечал Ю. В. Бромлей, изучение традиционной культуры теперь приобретает особую роль, поскольку в наши дни многие ее виды быстро исчезают из повседневной жизни³.

² См.: Серия «Народы мира. Этнографические очерки». Т. I—XVIII. М.: Изд-во АН СССР, 1954—1966; Русские. Историко-этнографический атлас. I, II. М.: Наука, 1967, 1970; Историко-этнографический атлас Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1961; Попов А. А. Нганасаны. Вып. I. М.—Л., 1948; Шиллинг Е. М. Кубачинцы и их культура. Историко-этнографические этюды. М.—Л., 1949; Село Вирятин в прошлом и настоящем. Опыт этнографического изучения русской колхозной деревни.—Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. 41. М., 1958; Пещерева Е. М. Гончарное производство Средней Азии. М.—Л., 1959; Алексеев Е. А. Кеты. Историко-этнографические очерки. Л.: Наука, 1967; Василевич Г. М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII—начало XX в.). Л.: Наука, 1969; Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971; Сухарева О. А. Костюм народов Средней Азии: историко-этнографические очерки. М.: Наука, 1979; Волкова Н. Г., Джавахишвили Г. Н. Бытовая культура Грузии XIX—XX вв.: традиции и инновации. М.: Наука, 1982; Кобычев В. П. Поселения и жилища народов Северного Кавказа в XIX—XX вв. М.: Наука, 1982; Смирнова Я. С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. Вторая половина XIX—XX в., М., 1983, и др.

³ Бромлей Ю. В. Этнография на современном этапе.—Коммунист, 1974, № 16, с. 65.

Большой вклад в разработку проблем традиционной культуры народов европейской части страны, Кавказа, Казахстана и Средней Азии, а также Сибири и Дальнего Востока вносят экспедиции Института этнографии АН СССР, углубленно изучающие традиционное хозяйство, жилище, одежду, питание, народное искусство, верования и многие другие ее компоненты. Все исследования, независимо от их программ (изучаются ли все стороны культуры данного этноса или отдельные ее компоненты), обычно нацелены не только на всестороннее выявление исторических основ народной культуры, ее генезиса, этнической специфики и взаимосвязей, но и процессов взаимодействия традиций и новаций.

Важное значение в быстрейшем введении в научный оборот наиболее существенных результатов полевых исследований имеют всесоюзные научные сессии, проводимые каждые два года Отделением истории АН СССР, на которых коллективы Института этнографии АН СССР и других научных учреждений подводят итоги полевой работы. Институт этнографии АН СССР регулярно издает сборники, отражающие основные результаты полевой исследовательской работы своих сотрудников⁴. Ежегодно публикуются итоги полевых исследований традиционно-бытовой культуры в Армении⁵. Материалы полевых этнографических исследований печатаются также на Украине в журнале «Народна творчість та етнографія». Однако в других республиках, к сожалению, пока не налажена регулярная публикация итогов полевых работ. Ценные, хотя и очень краткие сведения об этнографических экспедициях, проводимых в нашей стране (в том числе и народными музеями), систематически публикуются в журнале «Советская этнография», но эти информационные заметки, разумеется, не могут заменить публикации собранных в поле материалов.

Хорошо известно, что массовое распространение профессиональной культуры в условиях научно-технической революции ведет, естественно, ко все более убыстряющемуся процессу исчезновения многих компонентов традиционной культуры из жизни народов нашей страны. Это вполне закономерное и исторически прогрессивное явление налагает на этнографов, ведущих полевую работу, особую ответственность. Изменения в традиционно-бытовой сфере происходят как в многослойной динамичной системе, включающей наряду с относительно устойчивыми и новыми (формирующимися) исчезающие слои. Причем в последних можно выявить компоненты как функционирующие, так и утратившие какое-либо реальное значение, сохраняющиеся только в памяти лиц старшего поколения данного этноса. Нет сомнения, что исчезающие слои традиционной культуры, сформировавшиеся у народов нашей страны главным образом в условиях очень длительного докапиталистического развития на протяжении веков и даже тысячелетий (их можно условно назвать старотрадиционными в отличие от слоев традиционной культуры, сложившихся в более позднее время), являются чрезвычайно ценными памятниками истории культуры и должны быть, учитывая неизбежные процессы их исчезновения, зафиксированы для науки с максимальной возможной тщательностью и полнотой.

Однако нельзя не признать, что отдельные компоненты старотрадиционной культуры у ряда этносов до сих пор недостаточно, либо совершенно не изучены и исчезают навсегда, образуя невосполнимые пробелы в истории мировой культуры. Особенно обидно, когда специализированными экспедициями в течение многих лет тщательно изучаются определенные компоненты культуры, в то время как другие компоненты традиционной культуры у тех же этносов, исчезающие буквально на глазах этнографов, но выходящие за рамки тематики исследований, нередко остаются без внимания.

⁴ Полевые исследования Института этнографии АН СССР. 1974—1981. М.: Наука, 1975—1984.

⁵ Армянская этнография и фольклор. Материалы и исследования. Т. 1—16. Ереван, 1970—1984.

Такое положение вызвано отчасти естественной в наше время относительно узкой научной специализацией (история жилища, семейные отношения, верования, народное искусство и т. п.), текущими и перспективными планами конкретных исследовательских разработок, подготовкой монографий, посвященных тем или иным проблемам и т. д. Все это, разумеется, необходимо, но некоторое расширение программ исследований специализированных экспедиций — включение в них «внеплановых» работ по изучению исчезающих компонентов культуры, думается, было бы оправдано. Быть может, следует увеличить число комплексных экспедиций, основной задачей которых было бы изучение исчезающих компонентов культуры.

Допуская, что может возникнуть вопрос — а не преувеличивает ли автор проблему «белых пятен» в изучении традиционных культур? Ведь их исследованием занимались на протяжении длительного времени многие ученые, краеведы, путешественники. В этой связи остановлюсь на более знакомых мне проблемах этнографии Сибири. Благодаря огромному труду нескольких поколений этнографов-сибиреведов (особенно велик вклад таких советских ученых, как Г. М. Василевич, Б. О. Долгих, А. А. Попов, Е. Д. Прокофьева, О. В. Ионов, С. В. Иванов, Л. П. Потапов и др.) традиционная культура многих сибирских народов глубоко изучена, что нашло отражение, в частности, в публикации фундаментального историко-этнографического атласа Сибири и ряда монографий по этнографии эвенков, нганасан, кетов, тувинцев и др. Тем не менее «белых пятен» в изучении старотрадиционной культуры Сибири остается еще немало.

К недостаточно изученным здесь прежде всего следует отнести народные знания, которым в сибиреведении до последнего времени уделялось сравнительно мало внимания (этнокосмология, этномедицина, этногеография, этноботаника, этноэкология и др.), этноэтику, формы кочевого хозяйства, домашнее производство и ремесло, народное искусство и некоторые другие компоненты материальной и духовной культуры отдельных этносов и этнотерриториальных групп Сибири.

Еще в «Историко-этнографическом атласе Сибири» (1961 г.) на типологических картах были отмечены территории, где у коренного населения оставались не изученными транспортные средства, жилища, одежда, орнаментальное искусство, верования и др.⁶ И хотя в последующие годы в Сибири проводились интенсивные полевые исследования, в том числе по изучению старотрадиционной культуры, эти «белые пятна» в значительной мере сохранились.

На существенные лакуны в изученности традиционной культуры сибирских народов указывают и авторы других обобщающих трудов, опубликованных в 1960—1970-е годы.

Обратимся хотя бы к народному искусству. Так, С. В. Иванов в своей монографии о скульптуре северосибирских народов признает, что произведения скульптуры, хранящиеся в музеях и описанные в литературе, характеризуют этот вид искусства далеко не в полной мере. По ряду народов, например по лесным ненцам, энцам, долганам, некоторым группам эвенков, материала или почти нет, или очень мало. По юкагирам и эвенкам он вообще отсутствует⁷. Этот же автор в своем капитальном труде об орнаменте народов Сибири отмечает, что из-за неполноты или отсутствия необходимого материала отдельные виды орнамента и даже орнамент таких народов Сибири, как нганасаны, энцы, кеты, не может быть рассмотрен⁸.

Между тем, огромное значение старотрадиционного искусства коренных народов Сибири, в том числе орнаментики нганасан, для познания

⁶ Историко-этнографический атлас Сибири, карты на с. 76, 105, 129, 224, 324, 489 и др.

⁷ Иванов С. В. Скульптура народов севера Сибири XIX — первой половины XX в. Л.: Наука, 1970, с. 4.

⁸ Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1963, с. 3.

процессов исторического развития духовной культуры человечества несомненно. Ведь изобразительное искусство многих сибирских народов, как показали известные исследования А. П. Окладникова, Б. А. Фролова и других археологов и этнографов, сохраняло вплоть до наших дней в наименее искаженных формах традиции, уходящие своими корнями в палеолит⁹.

Пожалуй, не меньше «белых пятен» и в изученности другого вида народного искусства Сибири — старотрадиционной музыкальной культуры. Исследовать ее начали давно. Первая нотная запись народной музыки, опубликованная в России, была сделана у камчадалов (ительменов) в первой половине XVIII в. Но даже у них до сих пор нельзя считать народную музыку зафиксированной хотя бы в какой-то мере полно. Совершенно или почти не изучена традиционная народная музыка таких народов Сибири, как негидальцы, энцы, ороки, орочи, юкагиры, нганасаны. Между тем у этих, как и у других этносов Сибири, музыкальная культура удивительно самобытна и безусловно представляет огромную ценность¹⁰.

Мне, конечно, могут возразить, что изучение народного искусства — предмет не только этнографии, но и смежных искусствоведческих дисциплин. Это верно, однако этнический аспект народного искусства, являющегося составной частью духовной культуры этноса, одной из важных его подсистем (как и народные знания, в частности народная медицина)¹¹, должен исследоваться именно этнографами. К тому же, как известно, народное музыкальное творчество органически связано с народной поэтикой, обрядами, хореографией, играми и т. п.¹² В такого рода полевых исследованиях желателен тесный контакт с более узкими специалистами, особенно с этномузыковедами, привлечение их в экспедиции; но и этнографы, хорошо знающие культуру изучаемого ими этноса, могут и должны фиксировать исчезающие формы традиционной культуры, в том числе и художественной.

Я ограничил себя примерами «белых пятен» только из сферы народного искусства Сибири, но число их без труда может быть намного увеличено. Аналогичные пробелы имеются в этнографической изученности старотрадиционных культур и ряда других регионов нашей страны. Так, например, существование «белых пятен» в области этнографии «славянских древностей» и чрезвычайную актуальность их своевременного изучения показала недавно проведенная плодотворная дискуссия на страницах журнала «Советская этнография»¹³. Вместе с тем нельзя не признать, что некоторые из «белых пятен» закрыть никогда не удастся, так как необходимые для этого компоненты традиционной культуры относятся уже не к исчезающим, а, увы, к исчезнувшим (причем нередко в последние десятилетия). Однако многие из имеющихся пробелов могут быть еще заполнены, если отнестись к этой задаче со всей серьезностью, как к спасению памятников культуры, которым грозит разрушение.

Но хорошо ли мы знаем эти «белые пятна», постоянно ли держим их в поле зрения? Вряд ли я ошибусь, если скажу, что в этом отношении сделано далеко не все возможное. Важным условием планирования конкретных полевых исследований по рассматриваемой тематике является проведение специальной предварительной работы по выявлению имеющихся пробелов в фиксации отдельных компонентов традиционной культуры и составлению перспективных планов их изучения.

Разумеется, создание таких планов — дело трудоемкое, сложное. Оно требует изучения не только опубликованной литературы, но и неиздан-

⁹ Фролов Б. А. Числа в графике палеолита. Новосибирск: Наука, 1974, с. 131.

¹⁰ Богданов И. А. К изучению музыки народов Севера РСФСР. — В кн.: Традиционное и современное народное искусство (Сб. трудов Ин-та им. Гнесиных, вып. XXIX). М., 1976, с. 244—257.

¹¹ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973, с. 223; *его же*. Современные проблемы этнографии. М.: Наука, 1981, с. 211.

¹² См., например: Былины. Русский музыкальный эпос/сост. Б. М. Добровольский, В. В. Коргузалов. М.: Сов. композитор, 1981.

¹³ См. Сов. этнография, 1984, № 3, 4.

ных рукописей, архивных и в особенности музейных материалов. Некоторый опыт такого рода планирования уже накопился в ходе работ над региональными историко-этнографическими атласами. Однако при этом выявлялись преимущественно лишь те виды традиционной культуры, которые предполагалось картографировать (главным образом отдельные формы материальной культуры). Что же могло бы сыграть сходную роль катализатора исследований всех пока еще не изученных компонентов традиционной культуры? Вероятно, им могла бы стать подготовка много-томного труда, посвященного исторической этнографии народов Советского Союза. Такого рода научного труда — свода этнографических сведений о традиционной культуре народов СССР — пока нет. Издание может включить не только литературные данные, но и богатейшие архивные и музейные материалы по этнографии народов СССР XIX — начала XX в., в значительной мере остающиеся не опубликованными. В этот труд вошли бы и материалы имеющихся историко-этнографических атласов, ареальные карты, типологические схемы, рисунки, фотографии. В ходе его подготовки несомненно удалось бы выявить имеющиеся пробелы в изученности тех или иных компонентов традиционной культуры, что способствовало бы активизации их полевого исследования.

Вместе с тем хочется еще раз подчеркнуть, что первоочередное внимание к исчезающим компонентам культуры необходимо тогда, когда они недостаточно или вовсе не изучены.

В связи с проблемами полевого исследования традиционно-бытовых культур народов СССР необходимо затронуть еще один назревший вопрос — охрана и изучение материальных этнографических объектов (жи-лые и хозяйственные постройки, культовые сооружения и пр.), которым грозит разрушение в зоне новостроек.

Как известно, важная роль в деле охраны культурного наследия народов нашей страны принадлежит специальным законодательным актам всех союзных республик, принятым на основе общесоюзного Закона «Об охране и использовании памятников истории и культуры» от 29 октября 1976 г.¹⁴. В этом Законе к охраняемым государством объектам наряду с археологическими, архитектурными и некоторыми другими отнесены также памятники истории, связанные с «развитием ... культуры и быта народов» (статья 5), т. е. памятники этнографические. Законом предусмотрены чрезвычайно важные мероприятия по изучению и фиксации памятников в зоне строительных и иных работ. Причем в соответствии со статьями 23 и 24 Закона финансирование указанных мероприятий производится предприятиями, организациями и учреждениями, производящими такие работы.

Аналогичный Закон принят Верховным Советом РСФСР 15 декабря 1978 г.¹⁵. Между тем, практика показывает, что в РСФСР, как, впрочем, и в других союзных республиках, в зоне новостроек, как правило, не осуществляются предусмотренные Законом меры по охране этнографических памятников, не привлекаются для этой цели этнографические научные учреждения, в том числе Институт этнографии АН СССР, не финансируются строительными организациями необходимые полевые этнографические исследования, требующие, кстати, значительно меньшие средств, чем охранные археологические работы, которые в соответствии с этим же Законом обычно ведутся в зоне всех крупных новостроек.

Важную роль в усилении охраны и организации исследований этнографических памятников, которым грозит разрушение в зоне новостроек, мог бы сыграть и Научно-методический совет по охране памятников истории и культуры Министерства культуры СССР. Следует отметить, что в нынешнем году при Министерстве культуры СССР создана специальная комиссия по выявлению и охране памятников истории и куль-

¹⁴ Ведомости Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик, № 44 (1858), 3 ноября 1976 г. М.: Верх. Совет СССР, с. 728—736.

¹⁵ Закон Российской Советской Федеративной Социалистической Республики «Об охране и использовании памятников истории и культуры». М.: Известия, 1979.

туры на трассе строительства одного из крупнейших в мире каналов Сибирь — Средняя Азия, в состав которой вошли и специалисты-этнографы, представляющие Институт этнографии АН СССР.

Большую помощь в деле охраны и изучения этнографических памятников могли бы сыграть общества по охране памятников истории и культуры, созданные во всех союзных республиках (кроме Эстонии и Латвии — в последней имеется общество охраны природы и памятников культуры). Многие из этих обществ существуют длительное время (например, в Грузии — 25 лет) и накопили большой опыт работы. Но, к сожалению, охране и исследованию этнографических памятников в этих действенных общественных организациях все же не уделяется должного внимания. Так, например, в крупнейшем в нашей стране Всероссийском обществе охраны памятников истории и культуры созданы различные секции, ответственные за охрану археологических, архитектурных и других памятников, но этнографической секции нет (только в Ленинградском отделении общества есть секция этнографов и фольклористов). Думается, что организация такой секции способствовала бы решению рассматриваемых нами вопросов.

Разумеется, все мероприятия по охране этнографических памятников в зоне новостроек должны быть согласованы с министерствами культуры союзных республик и другими учреждениями, действующими в соответствии с законодательством Союза ССР и союзных республик, на территории которых расположены эти памятники.

И все же неукоснительное соблюдение законодательных актов об исследовании и фиксации этнографических памятников в зоне новостроек, само по себе очень важное, не может решить проблему всестороннего изучения исчезающих компонентов старотрадиционной культуры — ведь в сущности вся наша многонациональная страна — новостройка! Именно из этого надо исходить при планировании работ по изучению таких компонентов, обеспечивая их исследованию особое внимание в планах этнографических учреждений. Тщательная научная фиксация и исследование исчезающих компонентов традиционной культуры может еще и потому приравняться к работам по спасению памятников культуры, что только небольшая часть этнографических объектов, притом лишь материальных, может быть сохранена в музеях, да и то они в значительной мере утрачивают свое значение подлинных памятников культуры без детального описания способов их изготовления, реального использования и функционирования в системе этнической культуры.

Это никоим образом не умаляет огромного значения чисто собирательской работы музеев, позволяющей сохранить многие материальные памятники народной культуры. Сбор материала музеями обычно сочетается с большой и чрезвычайно ценной исследовательской работой в поле, результаты которой, к сожалению, публикуются очень редко. В этой связи нельзя не отметить и важнейшее, в основном послевоенное, начинание — создание в ряде районов РСФСР, Украины, Прибалтики, Закавказья и др. этнографических музеев на открытом воздухе, где сохранены многие исчезающие из быта ценнейшие в этнографическом отношении жилые, хозяйственные и культурные постройки, утварь, орудия земледелия и скотоводства и т. п. Столь же значима и работа по воссозданию традиционной жилой застройки в отдельных зонах современных городов, примером чему служит осуществляемое в Москве воссоздание традиционной рядовой застройки Школьной улицы, находящейся на территории известной Ямской Рогожской слободы.

Важным путем повышения эффективности экспедиционной работы по изучению традиционной культуры является совершенствование методики полевых исследований. К сожалению, этот вопрос не был пока предметом специального обсуждения. Между тем советскими этнографами накоплен значительный опыт, отражающий как успехи, так и некоторые неудачи полевой работы. Теперь в условиях совершенно иных, чем еще два — три десятилетия назад, стало очевидным, что многие методы, в частности обсервационные, предназначенные для фиксации в поле жи-

вых форм быта, далеко не всегда пригодны для изучения исчезающих компонентов культуры. И если прежние методы позволяли собирать ценнейшие материалы иногда даже силами лишь любителей-краеведов, то ныне для корректного исследования указанных компонентов культуры непрофессиональный подход явно недостаточен. Разумеется, включение в собирательскую работу широкого актива краеведов, работающих по специально подготовленным вопросникам, снабженных вспомогательными пособиями, может быть чрезвычайно полезно.

Вместе с тем для успешного полевого изучения старотрадиционной культуры как специалистами, так и краеведами очень важны хорошо подготовленные программы и детальные вопросники. В них должны быть учтены возможные особенности малоисследованных исчезающих компонентов и предусмотрена их максимально полная фиксация, включая ареальное картографирование. Последнее, как известно, особенно важно для ареального исследования не только материальной, но и духовной культуры, изученной в этом отношении несравненно хуже. Назрела необходимость создания программ-вопросников по семейной и календарной обрядности, по различным областям народного знания (этноботаника, этнозоология, народная медицина, этнометеорология и др.), этнопсихологии, народному искусству, этномузыкалогии, верованиям и др. Программы и вопросники нужны в двух вариантах: один — рассчитанный на специалистов-этнографов, другой — на широкий круг краеведов, учителей школ и всех лиц, желающих оказать помощь этнографическим учреждениям страны в собирании таких материалов среди населения. Программы и вопросники должны различаться, что также хорошо известно, в зависимости от того, предназначены ли они для фиксации отдельных элементов культуры или всех ее сторон у исследуемого этноса, для углубленной работы с отдельными информаторами или массовых опросов. Разумеется, подготовка таких вопросников предполагает исчерпывающий учет состояния изученности предмета исследования. К сожалению, далеко не всегда даже участники научных экспедиций имеют подобные программы и вопросники. Нельзя не согласиться с вполне справедливым мнением, недавно высказанным Н. И. и С. М. Токаевыми на страницах журнала «Советская этнография»: «Практически вопросники, если они вообще используются, создаются самими собирателями совершенно стихийно и интуитивно. Между тем это важная методическая проблема. Вопросник всегда отражает ту или иную предварительную систематизацию и даже интерпретацию материала. От него зависит не только полнота, но и качество собранных данных»¹⁶.

Хотелось бы отметить в этой связи интересный опыт наших башкирских коллег, выпустивших, главным образом для краеведческого актива, ценное методическое пособие, включающее таблицы с рисунками многих исчезающих из быта компонентов традиционной культуры (жилище, одежда, утварь, украшения и др.)¹⁷. Опыт башкирских этнографов несомненно достоин изучения и широкого распространения. Вообще обмен методическим опытом в этой области был бы очень полезен всем этнографическим учреждениям, ведущим полевые исследования.

Наконец, очень важно в ходе полевых исследований исчезающих компонентов старотрадиционной культуры, когда они не функционируют в реальном быту, а сохраняются лишь в памяти старшего поколения, применять методику, обеспечивающую высокую степень достоверности выявляемых сведений. Это требует прежде всего строгой критической оценки информации непосредственно в «поле», т. е. подтверждения полученных сведений несколькими информаторами, а при расхождении данных — новой проверки. Причем в последнем случае должны быть установлены объективные или субъективные причины различий в сооб-

¹⁶ Теоретические проблемы реконструкции древнейшей славянской духовной культуры. — Сов. этнография, 1984, № 4, с. 78.

¹⁷ Материальная культура башкир. Программа для сбора этнографического материала. Уфа, 1975.

щениях информаторов. Все это, разумеется, должно быть зафиксировано в полевой документации и отражено в научных отчетах. История этнографической науки знает печальные случаи, когда тот или иной информатор, подчас под вольным или невольным давлением исследователя, сообщал сенсационные «факты», которые, не будучи проверенными, вводились в научный оборот, на их основе строились гипотезы, и лишь позднее выяснялось, что они никогда не имели места в культуре этноса. К сожалению, критика полевых источников лишь очень редко находит отражение в экспедиционной отчетности и в статьях об итогах полевых исследований.

В заключение хотелось бы высказать пожелание о созыве специальной научной конференции, посвященной проблемам методики полевых исследований традиционных культур народов СССР.